

«Мэган, а зачем людям вещи?» — некогда этот вопрос, заданный прекрасной девой, погрузил автора этой книги в длительный ступор. Дело было не в отсутствии ответа, а в самом факте возникновения вопроса. «Этожесамособойразумеется». И все же зачем?

История человечества начинается с вещи, взятого в руки инструмента, будь то палка-копалка или каменный топор. Некоторые вещи, которыми мы владеем, обеспечивают реализацию базовой потребности в выживании и безопасности, например теплая одежда. Другие помогают найти любовь и принятие, ведь «по одежке встречают». Третьи символизируют могущество, позволяют развлечься, становятся средствами самореализации. Наше тело словно продолжено до границ вещей, которыми мы пользуемся, они увеличивают наши физические и социальные возможности, «достраивают» нас. Всякий род деятельности сопровождается вещами, и даже вера или эмоции проявляются через артефакты, функционирующие то как вещь, то как знак. Не будем вслед за Мартином Хайдеггером приписывать повседневному обращению с вещами чуть ли не божественную силу, тем не менее без личных вещей нет опыта индивидуальной идентичности. В некотором роде человек — сумма всего, чем он владеет или

что может назвать своим: своя семья, своя профессия, свое имущество. «Я» — это не только мысли и чувства, «Я» имеет и материальное проявление, сформированное вещами. Вещи же эти, в свою очередь, несут на себе отпечаток характера владельца и сделанного им выбора, становятся проводниками к его внутреннему миру. Франсуа де Ларошфуко еще в XVII веке иронично подмечал, что наша гордость больше страдает, когда отвергается наш вкус, нежели наши воззрения. Критика наших политических взглядов в большинстве случаев менее чувствительна для самолюбия, чем критика того, как мы одеты. Мы расстраиваемся, когда наши вещи портятся, словно в этот момент портится часть нас самих.

Апологеты антиконсьюмеризма неустанно обличают бездумное накопительство, но социологические и психологические исследования показывают, что за приобретением новых товаров стоят не глупость или тщеславие, а естественные человеческие потребности. Джонатан Свифт съязвил, что «души модников скрываются в их одежде», но в этой фразе он невольно сформулировал одну из базовых истин, касающихся не только модников. Современный покупатель не просто приобретает товары — он выстраивает идентичность, то, кем он себя чувствует или кем хочет быть, то, как он воспринимает себя и выглядит в глазах общества. Перемены в жизни, будь то повышение по службе или материнство, часто требуют обновления гардероба, смена сценария и амплуа подразумевает смену

костюмов и декораций. Но еще чаще перемены стиля вызваны внутренними потребностями личности, ведь персональная эстетика трансформируется в течение жизни. Бренды, мастхэвы, стили, образы становятся инструментами для выработки значимого социального опыта, позволяют выразить себя через вещи, собрать свою идентичность по частям, построить свое «Я», соединить свой внешний образ с внутренним состоянием, дарят нас самим себе. Про шопинг-терапию в трудные эмоциональные моменты говорят много, но почти не упоминают, что намного чаще в такие периоды нет никакого желания делать покупки, — так проявляется бессознательное нежелание овеществлять это время, сохранять о нем хоть какую-то память.

Одежда в списке собственности занимает особое место, ведь она интимна, очевидна и вездесуща, мы ее постоянно чувствуем на себе, постоянно видим, постоянно носим. Она помогает нам воспринимать собственное тело и даже символически заменяет его: сильный аффект изображается как разрывание на себе одежды, а изрезать вещи неверного партнера на мелкие клочки — один из вариантов действия в гневе. Что интересно, к такому чаще склонны мужчины, женщины же в большинстве своем предпочитают рвать и резать фотографии. Одежда может быть объектом переноса любви или даже невротическим проявлением. Мы ассоциируем одежду с человеческим телом, одушевляем ее и вследствие этого говорим о сексуальной одежде и возможности стать чувственной, просто надев нечто. Одежда не может сама

по себе быть сексуальной хотя бы потому, что у нее нет органов размножения, но в символическом пространстве это не имеет никакого значения. Какие-нибудь кружевные трусы или красный шифоновый пеньюар становятся объектом для наших проекций, знаком, обещающим воплощение тайных фантазий. Особенно часто таким объектом проекций становятся украшения, не имеющие утилитарной функции и в первую очередь связанные с эмоциями и желаниями.

Надеть чужую одежду — это либо символически полностью принять чужую личность, либо попытаться присвоить ее. Так, расхожий образ «девушка с утра на кухне в Его рубашке» показывает полное принятие партнера, а вот обнаружить, что кто-то из домашних без спроса носил ваши вещи, крайне неприятно, даже если сами они при этом совершенно не пострадали. Распространенный обмен нарядами между подружками-подростками не только служит цели разнообразить гардероб, но и символически подтверждает общность вкусов и ценностей, то есть дружбу как таковую.

«Одежда меняет наш взгляд на мир и взгляд мира на нас», — написала Вирджиния Вульф в «Орландо» и дополнила это высказывание идеей, что это не мы носим одежду, а она носит нас. Неважно, верите ли вы в то, что увлеченность «тряпками» отвлекает от глубоких духовных поисков, или, наоборот, убеждены, что некая одежда позволит вам пробудить в себе драматичную светскую львицу или энергичного предпринимате-

ля, — это две стороны медали, в обеих этих крайностях проявляется глубокая уверенность в наличии связи между внутренним миром и внешними проявлениями. Одежда находится на границе этих двух реальностей, изменения в ней влекут за собой перемены поведения и восприятия. В 2011 году в результате одного из исследований появился термин *enclothed cognition*, вольно переведенный как «одежественное сознание». Выяснилось, что люди, надевшие белый лабораторный халат, ассоциирующийся с точностью и внимательностью, действительно делали в два раза меньше ошибок и лучше справлялись с задачами на внимание. В другом исследовании футболки с эмблемами супергероев из комиксов повысили оценку участниками собственных физических возможностей и привлекательности. Работники служб социальной защиты отмечают, что возможность хорошо одеваться и выглядеть привлекательно или хотя бы аккуратно становится действенным фактором в излечении пациентов. Действительно, одежда не только отражает наши внутренние процессы, но и влияет на наше эмоциональное состояние, в результате наше самоощущение начинает соответствовать ей. А раз так, то нет нужды выбирать сторону медали, ее просто можно взять с собой целиком.

Прежде чем погружаться в глубины личных склонностей и эмоций, выраженных содержимым гардероба, стоит посмотреть на его основную социальную функцию — служить мостиком, соединяющим вашу частную

жизнь с публичной. Одеваясь, людям приходится учитывать не только индивидуальные вкусы и самовосприятие, но и свой статус, телесность, социальные нормы и правила, а также исполняемые общественные роли. Результатом такого компромисса становится то, что Карл Густав Юнг назвал Персоной, воспользовавшись латинским словом *persona*, означающим маску, которую актер носит во время представления. Персона — это образ, который демонстрируют обществу, маска, которую надевают, принимая участие в игре, и при смене роли вполне логично ее менять. Персона — это не только одежда, это любые личностные заявления, выставяемые напоказ значимые вещи, например дипломы или достижения, но в массовом сознании ее выражением становятся в первую очередь наряды. Задача «маски» Персоны — не скрывать, а, наоборот, акцентировать и выносить наружу определенный набор качеств и свойств личности. В каждом обществе есть расхожие представления о том, как выглядят и как должны быть одеты идеальные учитель, официант, чиновник, сантехник, программист — да кто угодно. Хорошо развитая Персона позволяет качественно отыгрывать ваши жизненные роли, попадая в эти общественные представления, а также свободно переключаться между ролями по необходимости, что, в свою очередь, приводит к ощущению спокойствия и уверенности в себе. Именно это подразумевала Диана Вриланд, утверждая: «Новое платье ничего не меняет для вас. Оно меняет жизнь, которую вы проживаете в этом платье».

Вещи помогают нам создавать рассказы о самих себе, и чем разнообразнее наш гардероб, тем больше у нас ролей и возможностей донести невербальное сообщение, тем богаче «одежный словарный запас». Однообразная одежда свидетельствует о неумении или нежелании учитывать контекст, переключаться между ситуациями, людьми и событиями — это не повествование, а нудный звук на одной ноте. Необязательно превращать свой гардероб в сборник не связанных между собой рассказов, где форма для сплава на байдарках соседствует с бальными платьями. Одежда для разных событий может быть выдержана в едином стиле, но некоторое разнообразие все же не помешает.

Когда вы стоите перед шкафом с мыслью «нечего надеть» — это означает, что возникли проблемы именно с Персоной, ничего из наличествующей одежды не подходит для тех ролей, которые вы хотели бы исполнить, или же внутренний идеал никак не совпадает с предлагаемой внешней действительностью. Распространенные сны-кошмары о внезапной обнаженности в публичном месте тоже свидетельствуют о необходимости разобраться с образами Персоны.

Другой проблемой может стать попытка натянуть на себя образ роли, которой вы не можете соответствовать по внутренним причинам. Попытки при помощи «ролевых» гардеробов изображать роковую женщину или утонченного интеллектуала, если вы ими в глубине души не являетесь, часто приводят к строго противополо-

ложному эффекту: и окружающие характеризуют ваш стиль в духе «как на корове седло», и ваше самоощущение никак не совпадает с надетыми вещами. Именно поэтому очень часто подобранные «эстрадными стилистами» вещи вскоре отправляются на дальние полки шкафа, а клиент возвращается к привычным нарядам, пусть невыразительным, зато символизирующим комфорт, покой и безопасность.

Персона — это то, что мы хотим сделать очевидным для нашего окружения, она никогда не выражает всю полноту нашей личности. В современном обществе зачастую презрительно говорят о маске, подразумевая, что у человека есть некое истинное лицо в единственном числе, и даже поговаривают о расщеплении, когда человек по-разному выглядит и ведет себя в разных контекстах. Это следствие появившейся в романтической литературе XIX века идеи о единстве социальной и «приватной» личности, некоей присущей каждому аутентичности. Увы, эта теория давно продемонстрировала свою несостоятельность, уже в начале XX века стало ясно, что идентичность — проект длиною в жизнь и нуждается в постоянном конструировании. Никакого истинного лица или истинного «Я» не существует, есть разные грани идентичности, меняющиеся со временем. Любой, кто в этом сомневается, пусть просто вспомнит самого себя 5 или 10 лет назад и задастся вопросом, остался ли он тем же самым человеком. Природа личности перформативна и трансформативна, или, говоря словами Оскара Уайльда, «естественность — всего лишь

поза». В традиционном обществе некоторая внутренняя монолитность еще была возможна, ведь социальные роли доставались по факту рождения и зачастую были неизменяемы — сын землепашца будет землепашцем, но в современности мы поставлены перед необходимостью постоянно выбирать образ жизни и биографию, балансировать между внутренними порывами и внешними ожиданиями. Наши идентичности ситуативны, это не данность.

Никогда так глубоко не чувствуется необходимость в разнообразии ролей, выраженных через гардероб, как в моменты, когда человек оказывается в социальной обстановке, противоречащей тому, что на нем надето. Будь то «овердресс» (оно же «расфуфырилась как идиотка, а тут все в джинсах») или «андердресс» («никто не предупредил, что это шикарный ресторан, я из спортзала туда и пришла»), обычной реакцией оказывается сильный внутренний дискомфорт. Если в шкафу только джинсы и свитера, то отражает ли эта одежда всю полноту вашей жизни и все ее события?

И все же перейдем от образов, призванных впечатлить почтенную публику и позволяющих заявить миру о себе, к истинным «регуляторам чувств» — вещам, вызывающим те или иные эмоции, помогающим настроиться на нужный лад, раскрыть новые грани личности, превратиться в сосуд для привлечения желаемой силы, преодолеть кризис, снять эмоциональное напряжение, обрести ощущение контроля, сформировать новое от-

ношение к самим себе, способствующим достижению поставленных целей и в конечном итоге наконец-то выворачивающим богатый внутренний мир наизнанку, чтобы и внешний был не хуже. Одежда из просто вещей может превратиться в настоящие артефакты, проводники между намерениями, усилиями и результатами, а подбор украшений и аксессуаров стать полноценным ритуалом сотворения себя.

Идея «измени себя — и изменится весь мир» крайне архаична и встречается во множестве философских систем, но зачастую ее понимают только как призыв к неким внутренним изменениям, за которыми последуют внешние события. На практике же, если изменение одной части влечет за собой изменение целого, то обратный путь для этой «голографии» зачастую даже более эффективен: организация среды вокруг себя и создание нового образа влекут за собой и перемены взглядов на мир. У каждого человека есть так называемые планки комфорта — верхняя и нижняя, обозначающие то, что выходит за пределы привычного образа и уровня жизни, то, что «слишком хорошо для меня» и «совершенно негодно для меня». Чаще всего люди отвергают то, что находится за пределами планок комфорта, сознательно или бессознательно. Например, если вы купили дорогую или редкую вещь, обладание которой где-то в глубине души все же считаете невозможным для таких, как вы, то велики шансы, что в первый же раз, когда ее наденете, она будет испорчена: вы либо ее прожжете, либо сделаете на ней затяжку, либо потеря-

ете. Но расширять возможности всегда увлекательнее, чем сокращать потребности, а приобретение подобных вещей далеко не всегда заканчивается их гибелью. Иногда это тянет за собой вал изменений, лучшими литературными свидетельствами которых будут и ироничный рассказ «Воротничок» Тэффи, и едкие «Сожаления о моем старом халате» Дени Дидро. Сколько бы ни было сарказма в этих описаниях, обладание такими вещами позволяет поднять внутреннюю планку комфорта, и отражается это не только на материальном мире, но и на самоидентификации в целом.

С какой бы стороны вы не подходили к формированию своей целостности, содержимое ваших шкафов нужно регулярно пересматривать. Даже если ваши гардероб и шкатулка с украшениями кажутся ничем не примечательным, вещи в них отражают ваше отношение к жизни, мотивы, фантазии, мечты и убеждения, взаимоотношения с миром и собой, черты характера, восприятие тела, события прошлого и надежды на будущее. Там же можно увидеть и ваш стыд, страхи, тревоги.

Что вы видите, открыв шкаф? Все аккуратно разложено и развешено, проводится ежесезонный пересмотр и упорядочивание, подлежащее починке починено, порванное и сломанное выброшено, разнообразные «магические уборки» проведены? Или же стоит вам открыть дверцу, как наружу вываливается ворох скомканных вещей, половину из которых давно пора отправить на свалку? Каждый компонент системы отражает общие

свойства этой системы, а состояние вещей в вашем шкафу демонстрирует ваши способ усваивать опыт и образ мышления. Хаос — символ спутанности мыслей, неувоенного опыта, который из-за этого не столько опыт, сколько непереваренная сумма переживаний. Наведение порядка позволяет и в буквальном, и в метафорическом смысле установить контроль, упорядочить жизнь, сконструировать личную историю и управлять своей идентичностью. В конце концов, любой процесс целеполагания начинается с понимания того, чем уже обладаешь. Самые заношенные и пришедшие в негодность вещи, обычно и предназначающиеся для отправки в мусорный мешок, — это именно те, что полностью вписаны в ваш образ жизни и образ мыслей, иначе вы не носили бы их столь часто.

Разбор гардероба и выбрасывание одежды далеко не столь банальная и легкая практика, какой кажется на первый взгляд. Люди наделяют вещи личными смыслами, любой предмет может быть связан с чувствами и воспоминаниями, и чтобы выкинуть вещь, от нее сначала нужно отделить эти смыслы, а их в каждой вещи может быть несколько. Казалось бы, что легче, чем выкинуть платье, в котором вы оказались в неприятной ситуации и которое теперь каждый раз о ней напоминает? Однако вы тут же вспоминаете, что отдали за это платье три ежемесячные зарплаты, и рука не поднимается вынести такую сумму на помойку. Какая из частей этой истории одержит победу в очередной раз? Хранение вещей, некогда бывших любимыми

и «удачными», но теперь по разным причинам неактуальных, кажется значительно проще: лежит и пусть лежит. Но что, если именно они создают тот самый неаккуратный ворох, не позволяя новым поступлениям, отвечающим вашему текущему самоощущению, занять достойное место в шкафу? Адепты расхламления однозначно выскажутся за избавление от таких вещей, но на деле ответы не столь очевидны. Такие решения не делятся на правильные и неправильные, они бывают только подходящими или не подходящими лично вам. Избавляетесь ли вы от старых вещей или сохраняете их — вы удаляете или храните какую-то часть своей идентичности, своего прошлого, жизни в целом.

Если по поводу психологической связи между одеждой, образом мышления и настроением еще можно скептически хмыкать, то в случае с выбором предпочитаемых цветов подобные сомнения уж точно неуместны, а цветовой тест Макса Люшера, называвшего цвета визуализированными чувствами, — признанный инструмент в психологии. Цвета задействованы в биохимических и физиологических процессах, напрямую влияют на нервную систему, стимулируя или успокаивая, воздействуя на частоту дыхания и пульс, создавая ощущение холода или тепла, вызывая те или иные эмоции. Мы говорим «позеленел от зависти», «почернел от горя», «покраснел от стыда», «посерел от страха», символически связывая эмоциональные состояния с цветом, а эстетическая теория определяет и музыку, и цвет как языки эмоций.